

Борис Ширяев

ПАСХА НА СОЛОВКАХ

Посвящаю светлой памяти художника Михаила Васильевича
Нестерова, сказавшего мне в день получения приговора:
«Не бойтесь Соловков. Там Христос близко».

сейчас белухи идут. Они по сто пуд бывают. Каждому лестно такое чудо взять. Ну, и рискнул!

Белухами на Русском Севере называют почти истребленную морскую корову — крупного белого тюленя.

— Так не вырваться им, говоришь? — спросил монаха чекист.

— Случая такого не бывало, чтобы из шуги на гребном карбасе выходили.

Большинство стоявших перекрестились. Кое-кто прошептал молитву. А там, вдали, мелькала чёрная точка, то скрываясь во льдах, то вновь показываясь на мгновение. Там шла отчаянная борьба человека со злобной, хитрой стихией. Стихия побеждала.

— Да, в этакой каше и от берега не отойдешь, куда уж там вырваться, — проговорил чекист, вытирая платком стекла бинокля. — Амба! Пропал Сухов! Пиши полкового военкома в расход!

— Ну, это ещё как Бог даст, — прозвучал негромкий, но полный глубокой внутренней силы голос.

Все невольно обернулись к невысокому плотному рыбаку с седоватой окладистой бородой.

— Кто со мною, во славу Божию,

на спасение душ человеческих? — так же тихо и уверенно продолжал рыбак, обводя глазами толпу и зорко вглядываясь в глаза каждого. — Ты, отец Спиридон, ты, отец Тихон, да вот этих соловецких двое... Так и ладно будет. Волоките карбас на море!

— Не позволю! — вдруг взорвался чекист. — Без охраны и разрешения начальства в море не выпущу!

— Начальство, вон оно, в шуге, а от охраны мы не отказываемся. Садись в баркас, товарищ Конев!

Чекист как-то разом сжался, обмяк и молча отошёл от берега.

— Готово?

— Баркас на воде, владыка!

— С Богом!

Владыка Иларион стал у рулевого правила, и лодка, медленно пробиваясь сквозь заторы, отошла от берега.

* * *

Спустились сумерки. Их сменила студёная, ветреная соловецкая ночь, но никто не ушёл с пристани... Нечто единое и великое спаяло этих людей. Всех без различия, даже чекиста с биноклем. Шёпотом говорили между собой, шёпотом молились Богу. Верили и сомневались. Сомневались и верили.

— Никто, как Бог!

— Без Его воли шуга не отпустит.

Сторожко вслушивались в ночные шорохи моря, буравили глазами нависшую над ним тьму. Ещё шептали. Ещё молились.

Но лишь тогда, когда солнце разо-

гнало стену прибрежного тумана, увидели возвращавшуюся лодку и в ней не четырёх, а девять человек.

И тогда все, кто был на пристани, — монахи, каторжники, охранники, — все без различия, крестясь, опустились на колени.

— Истинное чудо! Спас Господь!

— Спас Господь! — сказал и владыка Иларион, вытаскивая из карбаса окончательно обессиленного Сухова.

* * *

Пасха в том году была поздняя, в мае, когда нежаркое северное солнце уже подолгу висело на сером, бледном небе. Весна наступила, и я, состоявший тогда по своей каторжной должности в распоряжении военкома особого Соловецкого полка Сухова, однажды, когда тихо и сладостно-пахуче распускались почки на худосочных соловецких берёзках, шёл с ним мимо того распятия, в которое он выпустил оба заряда. Капли весенних дождей и таявшего снега скопились в ранах-углублениях от картечи и стекали с них темными струйками. Грудь Распятого словно кровоточила. Вдруг, неожиданно для меня, Сухов сдернул буденовку, остановился и торопливо, размашисто перекрестился.

— Ты смотри... чтоб никому ни слова... А то в карцере сгною! День-то какой сегодня, знаешь? Суббота... Страстная...

В напозавших белёсых соловецких сумерках смутно бледнел лик распятого Христа, русского, сермяжного, в рабском виде и исходившего землю Свою и здесь, на её полуночной окраине, расстрелянного поклонившимся Ему теперь убийцей...

Мне показалось, что свет неземной улыбки скользнул по бледному лику Христа.

— Спас Господь! — повторил я слова владыки Илариона, сказанные им на берегу. — Спас тогда и теперь!..

В. А. Никифоров-Волгин БЕЗБОЖНИК

Весенним половодьем снесло мост через реку Быстрянку и тем, кому нужно было попасть к празднику в село Лыково, пришлось на опушке бора развести костёр и ждать перемены. В числе ожидавших мужичков и баб был и коммунист-агитатор Фёдор Строгов, которому во что бы то ни стало надо было попасть в Лыково и прочесть лекцию «О Христе-обманщике и о войне с Богом».

Строгов сидел на чемодане, полном последними номерами «Безбожника» и антирелигиозными плакатами, непрерывно курил и ругался озлобленно и хрипло:

- Сиди тут... Жди окаянных, когда придут?! А время идёт. У меня лекция должна быть перед вашей заутреней, чтоб им, дьяволам, ни дна ни покрыва... Из нагана так бы и перестрелял!

- Потихише, братишка, - успокаивал агитатора кряжистый старик в тулупе. - Неужто можно так ругаться? Ты подумай только: страшная Суббота стоит... Спаситель в гробе лежит... Пасха наступает, а ты нечистую силу поминаешь.

- Плевать хочу на вашу Пасху! - рычал Строгов. - Никакого Бога нет.

Яма! Тьма! Ни хрена нет! Одна зыбь ходячая да атомы с молекулами! Ежели Бог был, куриные ваши мозги, так Он давно меня покарал бы, в порошок стёр, а я ведь мощи вскрывал, в алтарях гадил...

От злобы исступленной на губах Строгова выступала пена, и голос доходил до истеричного срыва.

Мужички, опустив голову, сурово молчали. Бабы в страхе жались одна к другой и стонали, словно секли их кнутами.

И только старик спокойно возразил Строгову:

- По правилу, следовало бы тебя за такие слова поленом по башке, да только вот в такой день рука не поднимается... Христос во гробе лежит и тревожить Его, Батюшку, негоже. Таких разбойников, как ты, жалеть Он велел...

- Жалеть? - быстро, но без злобы переспросил Строгов и задумался.

- Жалеть... - повторил старик.

Тихими стопами сумерек шла пасхальная ночь...

Талый снег, кусты вербы у дороги, мгlistая глубина лесного бора, шорох льдин на реке, травяные запахи пробуждённой земли и огни на том берегу источали необычную тишину, какая бывает только в монастырской церкви после выноса плащаницы...

- Вечери Твоя тайная, - вполго-

лоса запел старик, прислушиваясь к шагам Святой ночи.

Строгов вздохнул и ниже склонил голову...

На колокольне сельской церкви зажигали цветные фонари и доносились голоса. На фоне тьмы белым видением выделялась церковь, и вокруг её пылали костры.

- По лесам и полям земли святой-русской, - начал старик, - в эту ночь тихими стопами проходит Спас Милостивый... К стопам Его прислушиваются цветы подснежные, звери лесные, травы весенние, ручейки, реки и молятся.. чу! какая стоит тишина и благодать...

Ходит Спас и слушает, как звонят колокола Его любимицы - земли святорусской - и плачет...

Слёзы Спасовы падают на землю, и от слёз тех зарождаются цветики белые - слёзы Господни...

- Вся земля ликует, дедушка, солнышко даже играет, - спросила молодлица, - так почему же Он, Батюшка, скорбей своих забыть не может?

- Оттого, голубушка моя, что радость наша, яко роса утренная... Порадуемся празднику, встретим Спасителя нашего, а потом опять жизнь без Бога, опять забивать Его, Батюшку, будем.. Замолкнут колокола и забудем. Всё забудем. И сад Гефсиман-

ский, Голгофу и смерть.. Оттого-то вот и плачет Спаситель в эту ночь...

Строгов, неожиданно, вдруг, закрыл лицо руками и заплакал.

Без удивления, словно так и должно быть, смотрели на него с русским жалением и кротостью.

Строгов поднялся. Молча раскрыл чемодан. Вынул кипы последних номеров «Безбожника» и антирелигиозных плакатов - бросил в костёр.

В сельской церкви зазвонили к пасхальной заутрени...

Строгов отошёл в сторону и, скрепив руки, без шапки, стал слушать пасхальный звон, и было видно, как вздрагивали у него плечи, не то от холода, а может быть, от глухих судорожных рыданий.

